

A close-up photograph of a brown bear climbing a tree trunk. The bear's head is turned upwards and to the right, looking intently. Its dark brown fur is thick and textured. One of its large, dark paws is firmly gripping the rough, grey bark of the tree. The background is a soft-focus forest scene with green foliage and tree branches.

studia naturalia

В. С. Пажетнов

МОИ ДРУЗЬЯ МЕДВЕДИ

Studia naturalia

Валентин Пажетнов
Мои друзья медведи

«Языки Славянской Культуры»

2005

Пажетнов В. С.

Мои друзья медведи / В. С. Пажетнов — «Языки Славянской Культуры», 2005 — (Studia naturalia)

В книге В. С. Пажетнова рассказывается о первом в мире успешном эксперименте по выращиванию «диких» медведей. Многие десятки маленьких медвежат ежегодно попадают в руки людей. У них, как правило, одна судьба — зоопарк, цирк (это в лучшем случае) или гибель от пули, когда они становятся опасными для человека. Можно ли спасти таких животных? Оказывается можно. Для этого надо знать, как устроен их «внутренний мир», т. е. каковы их истинные потребности, и создать им условия, в которых они, находясь под невидимой охраной человека, живут по законам своего вида. О первом опыте выращивания бурых медвежат, которые могут потом вернуться в дикую природу, и рассказывается в книге. События, о которых идет речь в «Моих друзьях медведях», разворачивались в середине 70-х годов XX века.

© Пажетнов В. С., 2005

© Языки Славянской Культуры, 2005

Содержание

Предисловие	6
От автора	8
Берлога	10
Новая мама	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Валентин Сергеевич Пажетнов

Мои друзья медведи

Лес остается загадкой, мистической тайной, хранящей чистоту бытия, любовь и трагедию сосуществования своих обитателей даже для тех людей, которые всю свою жизнь посвятили его изучению.

В. Пажетнов

Федеральная целевая программа «Культура России» (подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

Научный редактор доктор биологических наук *И. И. Полетаева*

Предисловие

Возможно, правы те, кто считает, что эта книга в предисловии не нуждается. Однако удовольствие представить читателю ее автора слишком велико, чтобы отказаться от такой возможности.

Все, за что Валентин Сергеевич брался в жизни, он осваивал досконально и глубоко. Пример тому – работа на заводе после школы перед призывом в армию: за небольшой срок он освоил с получением квалификации 4 или 5 рабочих специальностей. С детства пропадал в лесу и в речных поймах (в годы войны в Узбекистане, а потом в Ростовской области) и самостоятельно познакомился с жизнью лесных обитателей. По его рассказам, только став взрослым, он понял, чего стоили родителям его необъявленные походы «в природу» – ведь этот мальчик исчезал из дома на 2–3 недели, а то и больше. Ясно, что жизнь в дикой природе он осваивал тоже очень фундаментально. Уже тогда у Валентина Сергеевича появилась мечта – работать в лесу с дикими зверями. После службы в армии, где он добавил к своему списку еще несколько профессий, с молодой женой и «одним чемоданом на двоих» уехал на жительство и работу в Красноярский край, в село Ярцево. Он стал работать штатным охотником в «коопзверопромхозе». Эту профессию он также успешно освоил. Эти неполные 4 года, проведенные в Сибири, были целой эпохой в жизни и Валентина Сергеевича, и его жены Светланы Ивановны. Появились дети – сын Сергей и дочь Наталия, а жизнь была до краев наполнена всевозможными неординарными событиями. Однако работа промыслового охотника не принесла Пажетнову того удовлетворения, которого он наивно ждал с детства. Он решил учиться и, уехав с семьей на родину, в г. Каменск, поступил в знаменитый ВСХиЗО, заочный институт, где готовили биологов-охотоведов и ветеринаров. Так он получил еще две специальности. И вот теперь он смог работать в лесу, с дикими зверями как зоолог. Его пригласили на работу в среднюю Россию, в Центрально-Лесной заповедник, который занимает огромную территорию в Нелидовском районе Тверской (тогда – Калининской) области. Редкое население, болота и леса, большое число диких медведей...

Года через два после этого он познакомился с Леонидом Викторовичем Крушинским, профессором МГУ, заведующим лабораторией физиологии и генетики поведения на биофаке. Мы, сотрудники Крушинского, хорошо помним появление Валентина Сергеевича в лаборатории. Это был стеснительный и деликатный человек, который с глубочайшим интересом отнесся к нашей работе. Наша дружба с ним началась именно тогда. По совету Леонида Викторовича Пажетнов приступил не просто к изучению медведей в дикой природе – необходимость этой работы сомнений не вызывала, и как ее проводить тоже было достаточно ясно. Такая работа – это трудный «хлеб» зоолога-поле-вика, по крохам – по следам и нечастым встречам со зверями – воссоздающего его образ жизни и особенности поведения в природе. Блестящая отечественная школа зоологов, к которой принадлежали его коллеги и учителя старшего поколения (С. М. Успенский, В. Е. Флинт, Д. И. Бибиков и др.), была основой, позволившей Пажетнову провести такую работу. Он ее планомерно вел и написал сначала кандидатскую, а потом и докторскую диссертации. Сейчас В. С. Пажетнов – один из наиболее авторитетных в мире специалистов по биологии, экологии и поведению бурого медведя. Однако Л. В. Крушинский предложил ему сделать принципиально иной шаг в исследовании поведения этого вида – проследить, как формируется поведение бурого медведя. Для этого надо было взять медведя-детеныша и, живя с ним бок о бок, наблюдать, как он постепенно становится взрослым, выяснить, чему ему надо учиться у других, что он понимает в силу врожденного интеллекта, а для чего требуется собственный горький опыт. Так родилась идея работы, которая стала главным делом жизни и самого Валентина Сергеевича, и Светланы Ивановны, и их сына Сергея Валентиновича. О первых медвежатах, за которыми довелось наблюдать Пажетнову, и рассказывает эта книга.

Медвежата попадают к людям чаще всего после гибели их матери. Охота на берлоге – это увлечение, которому со страстью отдаются не только многие охотники-спортсмены, но также и многочисленные браконьеры. Если охотнику довелось убить именно медведицу, ему следует «пристроить» медвежат. Каждый год во всех «медвежьих углах» нашей необъятной Родины встают такие проблемы. Девать таких детенышей, как правило, некуда. Пожив с людьми до середины лета или до осени, медведь вырастает, становится опасным и рано или поздно погибает от выстрела охотника или милиционера. Единицы попадают в цирк или в зоопарк. Многолетний опыт выращивания медвежат позволил Пажетновым разработать рекомендации, следуя которым, можно вырастить молодого медведя, который не только сможет самостоятельно прокормиться и не пропасть в лесу, но который не полезет в деревенский огород или на проезжую дорогу в погоне за вкусной приманкой. Медведи, которых выпускают в лес Пажетновы, это осторожные, вполне дикие звери. Существуют, конечно, и множество трудностей в этой работе. Она и физически изматывающая, и ответственная. Это, например, выкармливание иногда более дюжины зверей из соски (через 3–4 часа), многокилометровые экскурсии по лесу, наблюдения за животными в палатке в проливной дождь и в сильный мороз. Но все это позволило накопить ценный опыт. Пажетновы научились выращивать медвежат таким образом, что они остаются дикими и боятся людей. Совершенно очевидно, что этот опыт уникален. Работу В. С. Пажетнова узнали и оценили практически все специалисты в мире, которых заботит охрана животного мира, и, в частности, сохранение на Земле крупных хищников. Его методу пытаются использовать в Индии, в Корее, в Южной Америке....

Книга иллюстрирована фотографиями и авторскими рисунками, которые тоже несут отпечаток неординарности натуры этого ученого. Читайте книгу!

Доктор биологических наук

И. И. Полетаева

июль 2004 года

От автора

Заканчивая учебу во Всесоюзном сельскохозяйственном институте заочного образования, я уже имел солидный стаж работы и неплохо владел дюжиной специальностей – во многих местах пришлось работать, и везде были нужны рабочие руки. Но с детства крепко сидела во мне страсть к необъятным лесным просторам и их обитателям. Не сразу я понял, что нужно учиться для того, чтобы уметь понимать сложную жизнь леса, и лишь работа охотником-профессионалом показала насущную необходимость специальной подготовки.

Теперь я обрел профессию биолога-охотоведа, которая шесть лет назад казалась недостижимым благом. На семейном совете было решено переехать жить в заповедник, и выбор пал на Центрально-лесной. Вначале пришлось выполнять различные работы по охране заповедной территории. Счастливая случайность свела меня в это время с крупным ученым и замечательным знатоком поведения животных профессором МГУ Леонидом Викторовичем Крушинским. Знакомство с сотрудниками лаборатории, которой он руководил, с их работой, участие в семинарах, а главное – беседы с профессором о диких животных, особенностях их поведения явились той первой серьезной школой, которая и определила мою дальнейшую жизнь.

Вскоре я стал научным сотрудником. Объектом исследования был выбран бурый медведь. Выбор не оказался случайным. Заняться изучением экологии и поведения бурого медведя настоятельно посоветовал Л. В. Крушинский. Профессор определил также основное направление исследования: изучить формирование поведения бурого медведя, наблюдая за развитием медвежат-сирот в естественной среде – в лесу. Бурый медведь – самый крупный наземный хищник. Зверь ведет скрытный, одиночный образ жизни, поэтому наблюдать за ним трудно. Опыт выслеживания медведей и охоты на них у меня уже был, но теперь хищник представлялся не как охотничий трофей, а как зоологический объект, который надо было изучать.

Редко удается встретиться с медведем, так как он с большого расстояния слышит приближение человека и заблаговременно уходит. Можно видеть совсем свежий след, в который

тонкой струйкой затекает вода, – зверь только что был! Можно слышать треск сучьев, а иногда и голос самого хозяина леса, но каждая встреча с медведем «в лицо» – событие. Разве что увлечется косолапый раскапыванием муравейника или душистой лесной малиной и подпустит человека близко. Чаще такую промашку может сделать небольшой, еще молодой и неопытный зверь. А уж завидев человека, испугавшийся медведь бежит в лес напролом, не разбирая дороги, – только треск стоит! Бывает, что ошибается и старый крупный зверь, но этот знает себе цену и уходит с достоинством, медленно поворачиваясь и мягко, чуть слышно переступая лапами. Лишь добравшись до густых зарослей, он пускается наутек. Случается и так, что уходящий от человека медведь как бы растает, растворится в лесу – был и нет его!

Отдельные встречи с медведем интересны, и из них можно кое-что узнать о его жизни. Но для этого нужны очень длительные наблюдения. Картину жизни медведя можно также представить, наблюдая за следами его жизнедеятельности: отпечатками лап, разрушенными пнями, раскопанными муравейниками, поломанными кустами и деревьями, задранными им животными, поедями растительности, устройством берлог и т. п. Однако некоторые особенности поведения зверя могут быть познаны лишь в условиях тесного контакта с ним. Вот для этих целей и было решено отловить маленьких медвежат и в условиях, приближенных к естественным, проследить за их развитием. Под руководством Леонида Викторовича была разработана предварительная программа действий, и я принялся за ее выполнение. Это было трудное, но очень интересное дело.

Берлога

Январь. Сразу за поселком стеной поднимается дремучий лес. Высокие елки, прикрытые седыми шапками снега, выстроились в строгий, непроницаемый ряд. Чуть в стороне толстая, в три обхвата, осина раскинула в вышине узловатые серо-зеленые ветки. Белокорая береза тянется вверх прозрачной вершиной, а между деревьями-великанами разбежались небольшие, в руку толщиной, рябинки, липы, клены, молодые курчавые елочки. В отдельных местах громоздятся стволы когда-то сваленных ветром деревьев. На молодых деревьях, поднявшихся на старых вырубках, намерзли тяжелые комья снега. Тонкие стволы не выдержали тяжести, согнулись к самой земле. Ветки деревьев переплелись между собой, образовав непроницаемую чащобу. Где-то здесь, в лесных завалах с темными загадочными провалами между стволов или в непролазных молодняках, и выбирает себе «зимнюю квартиру» бурый медведь.

Осенью, в конце ноября, еще до того, как выпадет снег, следы медведей исчезают – звери ложатся в берлоги. Лишь изредка на снегу можно увидеть характерные размашистые их наброды. То ли задержался незадачливый мишка у лоскута нескошенного овсяного поля или у туши убитого лося, то ли спугнул его кто-то у места зимней лежки – и бредет косолапый по лесу, ищет себе новое место для берлоги, оставляя за собой предательский след. Но и захваченный снегом медведь старается делать переходы во время снегопада или накануне пурги. Как и все дикие звери, он хорошо чувствует погоду и ошибается очень редко, так что выйти на его берлогу не просто – снег надежно замечает следы. Охотники всегда пользуются редкой возможностью – обложить по снегу место лежки медведя, а зимой в таком окладе ищут берлогу с собакой. Пользовался этим способом и я с той лишь разницей, что пытался «обложить» медведя еще до выпадения снега, разбираясь в оставляемых зверем следах на размытой осенними дождями податливой земле.

Часто одни и те же медведи, если их не беспокоят, из года в год устраивают берлоги в определенных местах. Мне не приходилось наблюдать, чтобы зверь ложился в старую берлогу, хотя в других местах это бывает. Но нередко новая берлога располагалась почти рядом с прошлогодней, и это помогало в ее розысках.

Берлоги, покинутые медведями весной, мы отыскивали по следам после того, как медведи уходили. Рано утром, когда ночной мороз промораживал подтаявший днем снег и можно было легко ходить на лыжах, мы тропили медведей «в пяту». Шли на лыжах в сторону, обратную от ушедшего медведя, до тех пор, пока не выходили к берлоге. Делалось это с целью изучения устройства берлог, а также для выяснения поведения медведя около берлоги. Занятие это было трудное, так как в отдельные дни приходилось надолго задерживаться в лесу, наступало дневное тепло, снег быстро подтаивал, и хождение на лыжах становилось настоящим испытанием человеческих возможностей. Лыжи проваливались в растаявший, превратившийся в кашу снег, и каждый шаг требовал большого напряжения, а дорога к дому составляла не один километр.

Обычно медведи вылезают из берлог в середине марта, а уходят в конце этого месяца или даже в начале апреля и оставляют около берлоги много следов, которые помогают разобраться в поведении зверей. Со временем мы знали места зимовок многих медведей, что значительно облегчало разыскивание берлог.

Пользуясь тем, что медведи приходили в такие места задолго до выпадения снега, я еще с осени старался определить занятисть некоторых участков, осторожно пробираясь по звериным тропам и изучая медвежьи следы. Несколько дней кропотливой работы с бесконечными обходами подозрительных мест, осмотром троп, дорог, намытых дождями песчаных кос по овражкам и ручьям позволяли предположить место возможной зимовки медведя. Если такой работе сопутствовала удача и в один из очередных обходов зверь не обнаруживал за собой слежки,

то зимой, внимательно проверяя с собакой несколько осенних окладов, мы находили берлогу. Лайка – верный помощник человека в лесу. Но если в охоте на медведя особо ценятся лайки-медвежатницы, делающие крепкие хватки по зверю и останавливающие его, то для отыскания берлоги нужна иная, более мягкая, но «вязкая» и настойчивая собака – берложница. Обнаружив берлогу, такая собака не нападает на зверя, а ровно и ритмично лает и хорошо отзывается на команду. Под такой собакой медведь лежит крепко и, если осторожно отозвать лайку, не сходит с берлоги.

Был у нас западносибирский кобель по кличке Умка, с густой шерстью палевого цвета и черными, удивительно выразительными глазами. Пес этот оказался на редкость послушным в лесу, что вовсе не характерно для лаек, и был типичным берложником. Я ни разу не видел, чтобы он вскинул на медведя шерсть или сделал хватку. Зла на зверя у него не было. Обнаружив медведя, он начинал звонко лаять, но ближе пяти-шести метров к берлоге не подходил. Стоило подать команду – и пес послушно шел на поводок. Много берлог нашла эта собака, оказывая нам неоценимую помощь в работе.

Берлоги в здешних местах верховые. Они бывают устроены либо в зарослях молодых елочек, либо под комлем сваленного ветром дерева. В начале зимы такая берлога во многих местах остается открытой. Если удастся подойти к берлоге близко, то можно увидеть, как из какой-нибудь щели торчит клоч медвежьей шерсти. Пока не завалит берлогу снегом, лежит медведь в ней слабо и при малейшей опасности сразу убегает. В глубокую зиму, да еще и в мороз, лежит медведь в надежно укрытой снегом берлоге плотно и наружу лезет неохотно. Сильно потревоженный собакой мишка иногда выскакивает из берлоги и делает бросок в сторону незваного гостя, но потом опять залезает обратно. Но если увидит вблизи человека, уходит прочь за многие километры. Нас, конечно, не устраивало, чтобы медведи уходили, поэтому у обнаруженной берлоги соблюдался целый ритуал особых предосторожностей. К берлоге я подходил с северной стороны, так как чело – вход в берлогу – чаще располагается с юга. Не приближался к берлоге на расстояние ближе 30 метров и при подходе пользовался различными укрытиями. При этом учитывались также сила и направление ветра и еще многие другие мелочи, которые могли бы повредить делу. В первый год работы мне удалось отыскать пять берлог. Однако две из них сразу опустели, потому что медведи меня увидели и, конечно, удрали, зато в трех остальных они остались лежать. Весной я имел возможность осмотреть их следы и «квартиры», а одного медведя даже видел лежащим у самой берлоги.

Искать берлоги я начинал глубокой зимой, когда зверь облежится, и выбирал для этого морозные дни – в мороз зверь менее чуток. По заранее намеченному плану мы с собакой много раз пересекали один и тот же участок в надежде отыскать берлогу. Отработав в одном окладе, принимались за другой. Пробраться по завалам трудно. Иногда и камасные, подбитые лосиной шкурой лыжи не спасают – скользят по надувам вбок, и тогда, проваливаясь в очередной раз в пустоту между нагромождением стволов, вздрагиваешь от изрядной порции колючего снега, попадающего за воротник. Через заваленные сугробами молодняки, кажется, вообще нельзя пролезть, но коль лежит через них маршрут и где-то теплится надежда на удачу, лезешь в это хитросплетение ветвей, а выбравшись с другой стороны и оглянувшись на пройденный путь, только удивляешься человеческим возможностям.

Уже неделю держался немалый для этих мест мороз 20–25 градусов. Я шел старой лыжней в далекий квартал охранной зоны заповедника. Глубокий снег не позволял собаке рыскать по сторонам, и она плелась сзади, часто проваливаясь в снег по самое брюхо то одной, то другой лапой. Выбравшись из снега, пес широко расставлял лапы, стараясь удержаться наверху. Далеко высунув красный язык, Умка шумно и часто дышал, хватал широко открытой пастью морозный воздух. Умный пес видел, что я двигаюсь по снегу без особого напряжения, и по простоте своей думал, что впереди меня дорога должна быть полегче. Несколько раз он порывался выйти вперед и наступал мне на задние концы лыж. Лыжи тормозили, я спотыкался,

оборачивался и с укором смотрел на разгорячившуюся собаку. Умка конфузился, виновато вилял хвостом, моргал глазами, всем своим видом показывая, что сделал это нечаянно.

В воздухе повисли мириады мельчайших снежинок, которые, поймав на себя лучик неяркого зимнего солнца, вспыхивали короткими искорками. Снег под лыжами скрипел, как старый пересохший хомут у плохо запряженной лошади, заглушая все звуки. Я остановился. Еще какое-то мгновение лес возвращал шум от лыж, а потом поразил стылой тишиной. Только где-то далеко-далеко взвизгивали полозья да изредка доносился крик возчика – по дальней дороге ехали на розвальнях. Не было слышно привычного писка суетливых синиц. Лишь в редком сосняке небольшого болотца, спрятавшегося в еловой гряде, деловито долбил шишку дятел. Но вскоре и он замолчал. Все попрятались от мороза. Однако в нашей работе мороз – это хороший помощник. И мы тронулись дальше.

Добрались к намеченному для осмотра участку и принялись за работу, строго выдерживая направление по компасу, чтобы не сбиться с маршрута. Работа была нелегкой. Вскоре я разогрелся так, что часть одежды пришлось снять и уложить в рюкзак. Умка заметно устал и уныло брел за мною следом больше из солидарности, нежели по своей охоте. Я осмотрелся, подбирая удобное место для костра и отдыха, – после таких трудов кружка горячего чая просто необходима. Но вдруг пес заводил поднятой вверх головой, сунулся вправо, влево – он зачуял запах зверя. Потом побежал к накрест упавшим стволам трех небольших деревьев, метрах в тридцати от того места, где мы стояли, понюхал под самый завал и залаял звонко, весело. Берлога! Я был весь на виду, потому быстро пошел вперед и, спрятавшись за толстую осину, негромко окликнул собаку. Умка лишь оглянулся на меня и продолжал лаять. Долгая толчея по снегу изрядно надоела псу, и он был рад случаю разрядиться. Пришлось резко подать команду: «Нельзя!» Умка как-то сжался, обмяк, и следующая команда – «Ко мне!» – заставила его подойти. Я быстро накинул поводок ему на шею, а собака уже вновь настраивалась на берлогу: уши встали торчком над лобастой головой, глаза горели азартом, пес напряжился, подался вперед, а хвост его, особенно крутой баранкой заложенный за спину, нетерпеливо подрагивал. Погладив собаку, я потихоньку отошел, достал нож и «потянул» затески к знакомому квартальному столбу – по ним в любое время можно безошибочно выйти на берлогу. Домой мы добрались уже ночью, когда на застывшем небе рассыпались гроздьях ярких, мерцающих звезд.

Вьюгами отпел февраль. Вторая половина марта – веселое время. Искристый снег щедро заливает солнце. Отряхнувшиеся елки и сосны распушили на солнышке свои мохнатые лапы, светятся бархатной зеленью. Березняк подернулся фиолетовой дымкой, а на полянке у ручья на самом солнцепеке зацвела верба. Цветки-шарики, покрытые нежным серебристым пушком, высвечивали изнутри теплым золотистым светом.

Мягкий мартовский снег комьями налипает на лыжи – никакая мазь не помогает, поэтому весной я хожу на камасных. Легкий ночной мороз к утру создает тонкую корочку наста, которая с хрустом проваливается под лыжами, звенит битым стеклом. К одиннадцати часам наст оттаивает, и можно двигаться, не создавая особого шума. Подтаявший снег шипит под лыжами, сыплется крупной солью, тает на ремнях, обуви, насквозь пропитывая их влагой. И хоть наверняка знаешь, что будут еще и морозы, и холодный северный ветер со снегом, липкая сырость первого дождя, пробирающаяся во все закоулки одежды, – в это никак не верится под ясными лучами мартовского солнышка и теплого воздуха, гуляющего меж шершавых стволов деревьев. В такую пору весь лес как бы выносит приговор зиме, встречает наступающую весну.

Еще зимой в тридцати метрах от берлоги, у толстого ствола старой осины я устроил скрадок, воткнув в снег несколько густых еловых веток, которые притащил от просеки. Теперь каждый день, как только оттаивал наст, я сюда приходил. Рядом со своим укрытием снимал лыжи и на них клал потрепанную одностволку двенадцатого калибра, которую в заповеднике

за громкий выстрел и сильный бой окрестили «сорокапяткой». Рядом с осиной на всякий случай торчком ставил в снег охотничий топор с узким лезвием и длинной ручкой. Усаживался в скрадке поудобней и в бинокль наблюдал за берлогой.

За долгие часы наблюдений я изучил все ближайшие деревья, причудливые узоры на их коре, наросты, необыкновенно изогнутые сучки, напоминающие каких-то сказочных чудовищ, и каждый раз, усаживаясь на дежурство, беззвучно, про себя, здоровался с ними, как со старыми знакомыми. Снег около деревьев, росших на открытых солнцу местах, протаял кольцами до самой земли, и оттуда вызывающе топорщились зеленые листики брусники. Соринки, веточки, откуда-то затащенные ветром листики, нагреваясь от солнышка, тонули в снежных колодцах. Иногда набегал свежий ветерок, волнами перекачивал потеплевший воздух, весело шумел в елках, сорил на снег отмершей, почерневшей хвоей и убегал, путаясь в сучках и ветках деревьев. К четырем часам дня солнце клонилось к закату. Из посиневших кустов выползал мороз и принимался сковывать осевший за день снег – готовил к утру новый наст. Я спешил покинуть свое укрытие, чтобы не скрипеть лыжами по подмерзающей лыжне и не беспокоить медведей.

Уже на второй день наблюдений стало ясно, что в берлоге лежит медведица с малышами. Несколько раз оттуда слышалась какая-то возня, а однажды удалось ясно различить урчание, которое издают медвежата при сосании. Это был своеобразный звук, который ни с чем не спутаешь. Однако, сколько я ни всматривался в завораживающее чело берлоги, кроме гнилушек, втоптаных в грязный снег у самого входа, и нескольких крючковатых корней с обгрызенными концами, ничего не рассмотрел. Иногда мне казалось, что в глубине черной дыры кто-то шевелится, но кто именно, я не мог разобрать. Несколько раз, в самый полдень, медведица выползала из берлоги, изгибаясь при этом всем телом. Казалось удивительным, как такой большой зверь мог пролезть через маленькую дырку-чело. Выбравшись из берлоги, медведица энергично встряхивалась, прогибая спину, потягивалась. А потом, опустив голову к самой земле, начинала прислушиваться. При этом она медленно поворачивала косматую голову из стороны в сторону, насторожив круглые, широко поставленные уши. Не обнаружив ничего подозрительного, продвигалась к стволу сухой елки, стоявшей тут же, в двух метрах от чела берлоги, и усаживалась в протаявшую снежную ямку напротив солнца. В бинокль хорошо было видно, как она довольно шурилась, подслеповато моргала маленькими глазками и, задирая вверх морду, смешно ворочала черным, как печеная картошка, носом – нюхала приносимые ветром лесные запахи. Через 8—12 минут она поднималась, делала несколько неторопливых шагов к берлоге, разворачивалась и, чуть изогнувшись, беззвучно исчезала в ней, проскальзывая в чело задом наперед.

Прошло одиннадцать дней. Четыре последних дня я не ходил к берлоге, так как подул северный ветер. Скрадок располагался с северной стороны от берлоги, и я боялся, что мой запах, больше чем само присутствие, может повредить наблюдениям. Но, судя по приметам, погода испортилась явно надолго, и я решил побывать на своем наблюдательном пункте.

Холодный, сырой ветер дул рывками, гнал по небу низкие, рваные облака, из которых сыпались то крупа, то мелкие капли дождя вперемешку со снегом. Поглубже нахлобучив капюшон, поплотней запахнув полы куртки, я уселся в скрадке, с тоской поглядывая на серое небо. Вездесущие капли, бросаемые ветром со всех сторон, попадали на линзы бинокля, и их то и дело приходилось протирать. Работать с биноклем стало невозможно, и я убрал его в футляр. Из берлоги дважды были слышны звуки, похожие на стон, негромкая возня. Обычно за время своего дежурства мне один-два раза удавалось услышать «ворчание» медвежат. Во время кормления они издают характерное довольно громкое урчание, похожее на своеобразное мурлыканье. Но то, что я услышал, не было похоже на звуки, издаваемые медвежатами. Позже я догадался, что это было приглушенное берлогой беспокойное «ухание» медведицы.

К середине дня ветер усилился, лес натужно загудел, и в этом хаосе скрипов, и свистов уже ничего нельзя было разобрать. Не знаю, по каким признакам, но мне показалось, что у берлоги произошли изменения. Стало как-то тревожно. Гудел под порывами ветра лес, сыпавшаяся со всех сторон водяная пыль забиралась холодной сыростью во все щелки одежды, время тянулось тоскливыми минутами. Но я твердо решил отсидеть положенное время. Совсем неожиданно звонко щелкнул сломившийся сучок! У берлоги взметнулись вверх комья снега – ив следующий миг я увидел зверя! Медведица казалась круглой, огромной от вздыбившейся шерсти. С каким-то хрюканьем, перекатывающимися прыжками она бросилась в мою сторону! Я вскочил. Еловые ветки, закрывавшие скрадок, полетели в стороны. Еще ничего не сознавая, схватил топор, неистово заколотил им в ствол осины и закричал, перемежая слова, которых и сейчас не помню, с воплями! Нас разделяло три метра, когда медведица остановилась, круто взрыла лапами снег, развернулась и отскочила в сторону шагов на двадцать. Чуть постояла, как бы раздумывая, а потом, резко крутнувшись на одном месте, с дьявольским шипением и кашлем вновь бросилась ко мне. Выражение морды я не разобрал. Запомнились лишь толстый мясистый нос с двумя дырками и вытянутая треугольником верхняя губа. Я вновь заорал, срывая голос и размахивая топором. Не знаю, что подействовало – то ли мой голос, то ли вид, но медведица свернула в сторону, отбежала на 10–15 метров, обошла меня сзади и, разгребая лапами мокрый снег, скрылась в чаще.

Не сразу я поставил в снег топор, с трудом разжав прилипшие к топоричу пальцы. С усмешкой посмотрел на мирно лежащее ружье, до которого, конечно, не смог бы дотянуться вовремя. Повернувшись на онемевших от напряжения ногах, сел на лыжи и еще раз посмотрел на развороченный медведицей снег, лишь теперь по-настоящему оценив ситуацию. Страх не было, испугаться я не успел, но по телу разлилась неприятная тяжесть. Вспомнил, что перед самым нападением что-то писал в дневнике. Поискал его глазами и не нашел. Порылся в снегу и поднял его, весь слипшийся, с пересыпанными снегом страницами. Тут же про себя отметил, как важно вести записи простым карандашом, – его не смывает водой, – отыскал последнюю страничку записей и посмотрел на часы. Между временем, отмеченным в дневнике, и временем на часах было разницы полторы минуты. Значит, нападение медведицы длилось всего несколько секунд.

Обычно, стронутая с берлоги медведица оставляет свое потомство и не возвращается к нему, но мне не очень верилось в это, и, выстрелив вверх два раза «для остратки», а больше для того, чтобы избавиться от чувства забравшейся в душу тревоги, я встал на лыжи и ушел к палатке. Нужно было собраться с мыслями и хорошенько обдумать сложившуюся ситуацию.

В наши планы не входило изъятие медвежат из берлоги. Я планировал отловить медвежат после того, как медведица выйдет с ними из берлоги. Опыт такой работы у меня был. Случайность вносила свои коррективы в первоначальные планы. Если медведица не вернется к берлоге ночью, предоставлялась возможность получить медвежат, еще не знакомых с окружающей естественной средой. Это обстоятельство являлось более интересным с точки зрения намеченного опыта. В наши руки попадали медвежата, которые не ходили по лесу с медведицей-матерью и еще ничему от нее не научились. Медвежат я решил взять на следующий день: они уже достаточно подросли, и за ночь с ними ничего не может произойти, да и время лютых морозов уже прошло.

Ночью спал плохо. Едва забрезжил рассвет, как я уже шагал в ближайшую деревню за провизией для малышей. Молока мне согласилась дать одна сердобольная хозяйка, которой мой вид показался неважным. Бутылку нашел без особого труда, а соски взял в медпункте, отбиваясь от шуточных нападок местной медички, согласившейся ради моей просьбы открыть свое заведение раньше времени. В полдень я был на месте. Палатку перенес поближе к лесу и подальше от дороги, по которой давно никто не ездил, но мог пройти трактор. Рядом с палаткой сделал навес, на который убрал продукты и все лишние вещи из палатки. Готовил дрова, место

для костра и делал еще много всяких мелких дел, чтобы потом исключить у палатки лишний шум и меньше беспокоить непривычными звуками медвежат. Лишь в четвертом часу дня мне удалось выбраться к берлогу.

Подходил к медвежьему жилищу очень осторожно. То место, где располагалась берлога, обошел сначала по большому кругу. Внимательно рассмотрел все следы и отметил, что выходной след медведицы был, а входного не было. Однако я знал, что она могла пройти к берлоге по старым лосиным следам. Старые следы лосей встречались здесь во множестве, обтаяли от солнца и промерзли за ночь так, что утром свободно могли выдержать вес медведя. Могла она пройти к берлоге и по стволам упавших деревьев, которые громоздились здесь повсюду. Поэтому я долго смотрел на берлогу в бинокль, обошел ее еще раз совсем рядом и, лишь убедившись, что медведица не приходила, сбросил лыжи, встал на четвереньки и заглянул внутрь. В нос ударил хорошо знакомый медвежий запах. Вначале ничего нельзя было рассмотреть, но постепенно глаза привыкали к темноте, и я увидел грязный, засыпанный гнилушками пол, обгрызенный ствол трухлявой березы, перекрывающей вход в берлогу, а в самой глубине камеры рассмотрел черный шевелящийся комочек. Стоило мне только протянуть руку, как комочек фыркнул и исчез. Пролезть в чело я не смог, поэтому решил раскопать снег сбоку камеры и отсюда добраться до медвежат. Осмотрев еще раз берлогу со всех сторон, я обнаружил дыру, через которую медвежата уже вылезали наружу – на снегу отпечатались грязные кругляшки их лапок. Орудия лыжей, расчистил снег, и взору представились три перепуганных дрожащих малыша. Забившись в самый дальний угол, они жались друг к дружке. Раскапывая снег, я перекрыл им отступление в камеру берлоги. Спокойно, по одному, я достал шипящих, фыркающих малышей, положил в рюкзак и стал рассматривать. Один, головастый, крепкий, смешно тарасил глаза. От страха вся шерсть на нем поднялась дыбом, и от этого он был похож на шар, на шее виднелось несколько белых волосков. Второй медвежонок, несколько меньших размеров, медленно ворочал круглой ушастой головой, весь вид его больше выразал

любопытство, чем страх, – это была, как потом выяснилось, самочка. На шее у нее виднелось небольшое, с пятак, белое пятно. В самый угол обширного лесного рюкзака вжался третий – маленький, тонкоголовый, щуплый, дрожащий, с широким белым воротником, который кольцом опоясывал тонкую шейку. Черные бусинки его настороженных глаз неотрывно следили за каждым моим движением. Стоило протянуть руку, как он еще сильнее припадал к дну рюкзака и замирал. При этом первые два фыркали, делали страшные кособокие позы, расставляли лапки, вооруженные тоненькими острыми коготками, совсем как взрослые медведи. Я не стал беспокоить малышей долгим разглядыванием, завязал рюкзак, сделал необходимые обмеры берлоги и зашагал к палатке. Теперь у малышей должна начаться новая жизнь.

Новая мама

К палатке я добрался уже в густых сумерках, основательно перемесив на просеке вконец раздрябший от наступившего тепла, насквозь пропитавшийся водой снег. Из рюкзака не было слышно ни звука. Забрался в палатку, осторожно снял драгоценную ношу и поставил на спаль- ный мешок. Рюкзак зашевелил боками, из него послышались предупреждающие звуки – не то фырканье, не то кашель: косолапки решительно заявляли о своем присутствии. Я развязал рюкзак, предоставив малышам свободу действий, а сам вышел подогреть для них молоко. Вер- нувшись, обнаружил, что рюкзак стоит на своем месте. Мишки и не думали из него выбираться.

На улице горел костер. Свет его короткими отблесками освещал палатку, позволяя в какие-то моменты рассмотреть малышей. Видны были только две высунувшиеся из мешка круглые головки с торчащими вбок ушами. Недолго думая, я перевернул рюкзак вверх дном, слегка тряхнул – и малыши вывалились живыми комочками к самым моим ногам. Но видно было так плохо, что я действовал больше на ощупь. Решил зажечь фонарик, направив его свет на крышу палатки, чтобы не испугать медвежат. Свет фонаря не произвел на них никакого впечатления, и я, не делая резких движений, стал по очереди предлагать медвежатам теплую соску, смоченную незнакомым молоком. Тут же малыши получили клички. Самый крупный стал Тошей, самочку я назвал Катей, а самого маленького, с белым ошейником, – Яшкой. Тоша деловито обнюхал соску, забрал ее в рот и немного пососал, удалось накормить и Катю. Яшка наотрез отказался есть, и все мои ухищрения ни к чему не привели. Как только я подносил соску ему ко рту он замирал, сжимался, каменел всем телом. Казалось, что даже глаза его оста- навливались, смотрели, не мигая, в одну точку, хотя при тусклом свете фонаря я не мог этого видеть. Я вставлял ему соску в рот и надавливал на нее пальцем, чтобы пошло молоко. Яшка не сопротивлялся, не двигался, но ворочал языком, выталкивал соску изо рта, и все молоко вытекало обратно. Я решил не мучить медвежонка, а дать ему привыкнуть к новой обстановке. Выставил молоко наружу, потушил фонарь и залез в спаль- ный мешок, предоставив малышам самим выбрать себе место *для* ночлега.

Проснулся от того, что кто-то ворочался у самого моего лица, пыхтел и упорно царапал клапан спальника. Решил отодвинуть пришельца, но познакомился с острыми когтями. Зажег фонарик. Нарушителем оказался Тоша. Не обращая внимания на появившийся в палатке свет, он упорно лез ко мне в мешок, совершенно точно определив, что в мешке будет теплее. Я никак не разделял его желаний, повернулся на бок, закрыл клапан спальника, и Тоше ничего другого не оставалось, как смириться со своей участью. Он улегся рядом и тут же мирно засвистел носом, время от времени вздрагивая во сне, как маленький ребенок. Утром обнаружилось, что все три медвежонка, сбившись в кучу, спят на углу спаль- ного мешка. Мое появление их не очень обеспокоило, но они отодвинулись в дальний угол палатки и усадились на мотке капроно- вой веревки.

Утро только начиналось. Выбравшись из палатки, я умылся колючим снегом и принялся греть молоко. Угли костра засыпало ледяной крупой, которая выпала 'ночью, и мне пришлось настругать «ежиков», чтобы быстро разжечь огонь. Дело это не хитрое, но требует определенного навыка. Нужно присесть на корточки, упереть нож обушком в колено и, двигая по лезвию сухой палкой, срезать с нее стружку за стружкой, не отрезая их совсем от палки. Получится ежик, т. е. палочка, от которой во все стороны торчат стружки. Загораются ежики быстро. Три-четыре таких ежика позволяют без особого труда развести костер в любую погоду.

Из двери палатки изредка выглядывали смешные мордочки, с любопытством водили глазами и тут же исчезали обратно – ни один из медвежат так и не решился выйти наружу. Как только я принес молоко, Тоша и Катя самостоятельно пососали из тугой соски, а с Яшкой пришлось повозиться. Усевшись с ним рядом, я осторожно вставлял ему соску в рот, но медвежонок тут же поворачивал голову набок – и соска выпадала. Я вновь аккуратно вставлял ее обратно. Яшка, как заводная игрушка, медленно поворачивал голову в другую сторону – и соска опять выпадала. Так продолжалось несколько минут. Я уже совсем отчаялся его покормить, как вдруг он засосал быстро-быстро. Уши его при каждом глотке нервно вздрагивали, морда вытянулась, немигающие, округлившиеся глаза остановились, весь он напрягся, и только черный нос нетерпеливо шевелился из стороны в сторону. Так же неожиданно, как и начал, он бросил сосать и замер. Но теперь-то я знал, что его можно накормить!

Еще долго Яшка сосал плохо. Это был очень худой медвежонок – мешочек с костями. Первые дни он отсиживался где-то в уголке палатки, предпочитал одиночество. Тоша с Катей проявляли активность, деловито обследовали палатку, часто затевали игру. Уже с первого кормления, как только медвежата забирали соску в рот и начинали сосать, они издавали характерные ритмичные звуки «...ер-ер-ер-ер-ер-ер...». Такие звуки медвежата издают, когда сосут медведицу. Значит, они приняли искусственное питание. После еды малыши быстро засыпали. Было интересно наблюдать, как только что шаливший медвежонок поворачивался на живот или на бок и мгновенно засыпал, как будто выключателем щелкнул! Дневной сон редко продолжался дольше 40 минут. Проснувшиеся малыши часто играли. Игра эта была веселая, но неумелая — они тыкались носами друг в друга, толкались лапами и тут же расходились.

Палатку они обходили постоянно, внимательно обследовали утлы, спальный мешок, лежавший моток веревки и все завязки на двери.

Прошло уже больше суток после того, как я принес медвежат, но они еще ни разу не опорожнились, Я заглядывал во все закоулки палатки, в складки спального мешка, в моток веревки и ничего не находил. Я делал им положенный массаж, регулярно протирал анальную часть тела ваткой, слушал, бурчат ли животики. Животики бурчали, лужицы были, а фекалий не было. Они появились через двое суток – небольшие колбаски грязно-зеленого цвета, причем одновременно у всех троих, чему я был бесконечно рад.

В хлопотах прошло два дня. Снегу было еще много, и я все раздумывал над тем, как такие маленькие медвежата – вес каждого едва достигал двух с половиной килограммов – могут следовать за матерью по лесу. Дело в том, что малыши должны идти точно следом за матерью. Если медведица пойдет по снегу, они неминуемо провалятся в лунки ее следов. Крепкие насты, способные выдержать вес медведя в здешних местах, – явление редкое. По-видимому, по этой причине семья покидает берлогу, когда в лесу появляются обширные проталины, однако и в эту пору малышам нужно быть достаточно физически подготовленными, чтобы преодолевать лужи, валежник и другие бесчисленные препятствия, которых в лесу так много. Вскоре медвежата рассеяли все мои сомнения, преподав урок истинного мужества.

Была вторая половина дня. Солнце щедро светило, а с юга подул слабый, но ровный, плотный, напоенный теплом ветер. Снег таял на глазах. Под ним показалась вода. Белый, искристый, подернутый блестящей корочкой наст превратился в мокрый грязно-серый снег, рассыпающийся от легкого прикосновения на ледяные крупинки. В лесу появился особый запах, какой бывает только весной, когда еще не лопнули почки, но деревья уже прогрелись, и кисловатая прель старой осиновой коры смешалась с тонким ароматом разогретой еловой смолы. Упругий ветер шевелил повислые веточки берез, толкал в лицо мягкими волнами.

Беспреданно тянула свою нежную, весеннюю песню синица, во всех концах леса тархтели дятлы. Стояла такая пора, что дух захватывало! Из сказочного царства меня негромко, но настойчиво вывели медвежата. Я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.